

УДК 82.09; 821.1
ББК 83.3(3)

Д.Б. Смирнова

**«ВЕЧНЫЙ ОБРАЗ»
ГАМЛЕТА
КАК ПРОТОТИП
ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО
СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ
С. ЖЕРОМСКОГО
«БЕЗДОМНЫЕ»**

Анализируется «вечный образ» Гамлета как прототип интеллигентского сознания в романе С. Жеромского «Бездомные люди». Феномен гамлетизма Жеромского рассматривается в контексте теории психологических типов Тургенева, основанной на противопоставлении «вечных образов» Гамлета и Дон Кихота. Делается вывод о том, что Жеромский создал в своем романе персонажи-вариации Гамлета, которым автор придал национальные черты. Их связь с Гамлетом проявилась в мотивах одиночества, бездомности и странничества.

Ключевые слова: «вечный образ», «польский Гамлет», интеллигенция, интеллигент, «бездомный», В. Шекспир, С. Жеромский.

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-4-20-27

Смирнова Дарья Борисовна – аспирант кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета им. И. Канта
Тел.: 8-921-617-28-07
E-mail: tbd89@mail.ru

© Смирнова Д.Б., 2016.

В сравнительном литературоведении, при изучении типологических сходств и контактных связей между национальными литературами, большое внимание уделяется природе «вечных образов», которые являются устойчивым фактором преемственности и целостности литературного процесса, участвуя в создании общечеловеческой культуры. Б. Н. Гайдин справедливо пишет о том, что «вечный образ» «обладает уникальной емкостью и практически неисчерпаемым запасом смыслов, а высокая степень поливалентности дает возможность достаточно «легко» включать его в любую систему образов и позволяет довольно гибко включать его в сюжетную линию» [Гайдин, 2008, с. 244]. Общеизвестно, что генетически сервантесовский Дон Кихот связан с традициями испанской, шекспировский Гамлет – английской, гётевский Фауст – немецкой культуры и т. д., но это весьма немногочисленные «образы-персонажи», вышедшие за пределы «своего» культурного ареала и составившие «инвариантный арсенал литературного дискурса» [Луков В., Луков Вл.]. По справедливому мнению Ю.И. Минералова, «сравнительное литературоведение превратило в полноценные термины такие понятия, как вечные образы (мировые общечеловеческие образы), бродячие сюжеты и т. п.» [Минералов, с. 3]. Но следует согласиться и с противоположным суждением Вал. и Вл. Луковых, что, приобретая особую актуальность «в условиях бурного развития постмодернистской интертекстуальности, теория «вечных образов» ещё «систематиче-

ски не разработана» [Луков В., Луков Вл.]. К этому следует добавить и то, что параллельно с разработкой теории «вечных образов» необходимо расширять историко-литературные границы её применения. Примером такого расширения может послужить традиция «польского Гамлета» в его типологическом соотношении с «русским Гамлетом», пока еще не изученная в обеих странах.

Зародившись в английской культуре, образ «принца датского» проник во многие национальные культуры Европы, приобретя национальный колорит. По справедливому мнению Б.Н. Гайдина, он принадлежит к тем «константам русской культуры», которые, «будучи для неё изначально чужими, с ходом времени прочно укрепились на её почве» [Гайдин, 2011]. То же можно сказать и о польской культуре, о чём свидетельствует монография Я. Тшнаделя «Польский Гамлет. Трудности действия» [Trznadel], в которой прослеживается генеалогия «гамлетовских» образов в польской литературе XIX и XX вв. – «польский Гамлет» в творчестве Мицкевича, Словацкого, Норвида, Выспяньского, Галчиньского, Анджеевского, Гомбровича, Херберта. Работа Я. Тшнаделя о гамлетовском типе героя приобретает общий и прецедентный характер для полонистики, однако нельзя сказать, что исчерпывающий, так как рассмотрены далеко не все варианты польского воплощения образа Гамлета. Так, в монографии Я. Тшнаделя не рассмотрен гамлетовский тип героя Жеромского, и целью исследования является восполнение этого пробела.

Гамлетовские мотивы и образы присутствуют во всём творчестве Жеромского: в его «Дневниках», рассказах и романах. Среди произведений польского писателя роман «Бездомные люди» (1900) выделяется тем, что в нём автор проводит психологический анализ интеллигентского сознания в тесной связи с гамлетовским началом образа главного героя Томаша Юдыма. Поэтому, прежде чем раскрыть типологическую сущность героя романа Жеромского как «польского Гамлета», следует обратиться к социально-психологическому феномену интеллигенции и определить его смысл в исследуемом тексте.

По С.И. Ожегову, «интеллигенция» – это люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры; общественный слой людей, занимающихся таким трудом» [Ожегов]. В словаре В. И. Даля мы находим значение слова «интеллигенция» – «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [Даль, с. 46]. Философ А. Гусейнов указывает на то, что «интеллигенция» – это слово латинское, а проблема русская. Буквально оно означает: понимание, понятие, идея, рассудок, умение» [Гусейнов, с. 64]. Данное слово приобрело специфическое русское значение. И впервые его в этом значении употребил И. С. Тургенев в «Странной истории» (1869 г.) [Гусейнов, с. 64]. Однако в литературном и философско-публицистическом сознании за этим словом закрепились дополнительные коннотации: в частности, интеллигенции свойственна такая черта, как презрение к мещанскому образу жизни и психологии. А. Гу-

сейнов пишет в связи с этим: «Русская интеллигенция жила, вдохновлялась, а в какой-то степени оберегала себя от трясины быта “мертвых душ” анти-мещанским пафосом. В ней можно найти все, что угодно, но только не мещанство. Если вычесть из интеллигенции это нравственное самоотречение, эту враждебность к сытости, покою, расчету и прочим добродетелям мещанства или буржуазности, то она вообще исчезает как категория русской историософии» [Гусейнов, с. 65]. Такое качество, как антимещанский пафос, оказалось очень тесно связанным со склонностями к размышлениям над глобальными вопросами, в чём проявилось сходство образа интеллигента в литературе с Гамлетом. Г. С. Померанц в своей работе «Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность» пишет: «в какой-то степени, интеллигент – это Гамлет. Гамлет – это первый тип протоинтеллигенции» [Померанц].

Место романа Жеромского «Бездомные люди» в польской культуре XX в. свидетельствует, что сходный социальный и психологический тип «людей умственного труда», которых отличает презрение к мещанскому образу жизни, прижился и в польской общественной среде. В этом отношении польское общество начало XX в. было более похожим на русское, чем на западное, несмотря на достаточно давние польско-русские исторические противоречия. Не случайно Х. Янашек-Иваничкова пишет о том, что роман «Бездомные люди» стал культовым для польского читателя начала века, настоящим «интеллигентским евангелием» [Janaszek-Ivaničková, с. 127]. Главный герой этого романа Томаш Юдым – это выходец из семьи сапожника, интеллигент-разночинец, посвятивший себя делу народной медицины. Он противостоит тем людям своего цеха, которые превращают медицину в доходную профессию («Нынешний врач – это врач богатых» [Жеромский, с. 290], – говорит он). Более того, Юдым возлагает на людей своей профессии широко понятую социальную и моральную миссию «врачевания» общества, а не только обязанность лечения отдельно взятых людей. Это, несомненно, черта интеллигентского сознания, не позволяющая Юдыму замкнуться в профессиональном эгоизме людей своего круга. Общность русского и польского интеллигентского типа – это неприятие мещанских ценностей: «Я должен разрушить эти смрадные норы... Полевые цветы в горшочке, это так... Это хорошо... Но можно ли?» [Жеромский, с. 575].

Мотив призвания, являющийся типично интеллигентским мотивом, сближает Томаша Юдыма с Гамлетом, в концепции характера которого мотив миссии играет роль далеко не последнюю: «Распалась связь времен... Я призван, чтобы восстановить её» [Шекспир, с. 168].

Гамлетовские черты присутствуют в произведениях Тургенева, который был, безусловно, любимым русским писателем Жеромского. Именно Тургеневым противопоставлены два типа героя – Гамлет и Дон Кихот. В.А. и Вл.А. Луковы пишут о том, что «сопоставление Тургеневым двух мировых литературных персонажей Гамлета и Дон Кихота сразу вошло в тезаурус русской интеллигенции» [В. Луков, Вл. Луков]. Основательная начитанность Жеромского, его хорошее знание произ-

ведений русской литературы (о чём говорят, прежде всего, его «Дневники») позволяет предположить, что тургеневское представление об интеллигенте Гамлете перешло из русской прозы в польскую – в творчество Жеромского [Czuchnowa, с. 54]. Тургенев повлиял на литературное сознание Жеромского, создавая образы русских мыслящих людей и выделяя психологические типы Гамлета и Дон Кихота. И эта тургеневская классификация героев оказала влияние на Жеромского.

Образ Гамлета в романе Жеромского «Бездомные» воспринимается при «посредничестве» Тургенева – его статьи «Гамлет и Дон Кихот». В «Дневниках» Жеромский сравнивает себя с Гамлетом: «я не революционер, я не человек действия... я рефлектирующий интеллигент, я олицетворенное психологическое самокопание, поэтическая беспомощность, сентиментальность, я романтик в шляпе позитивиста, человек минувшего поколения, который заблудился в современности, я – это шаг назад, нуль, я – Гамлет, Гамлет и еще раз Гамлет...» (дневник от 20 ноября 1886 г.) [Жеромский, т. 4, с. 421]. В «Бездомных» главный герой Томаш Юдым представляет собой «польского Гамлета». Сам Жеромский называет своего героя «сегодняшний Гамлет» [Żeromski, с. 216].

Томаш Юдым Жеромского и Гамлет в читательской рецепции Тургенева – это интеллигенты, склонные к сомнениям и колебаниям. И. С. Тургенев раскрывает причину колебаний Гамлета: «он весь живет для самого себя, он эгоист; но верить в себя даже эгоист не может; верить можно только в то, что вне нас и над нами. Но это я, в которое он не верит, дорого Гамлету» [Тургенев, с. 174]. В. Шекспир указывает на то, что у Гамлета «мир пошатнулся, и скверней всего, что он рожден восстановить его...» [Шекспир, с. 165]. Вот это чувство, что мир в кризисе, что все нарушено, и ты призван как-то дело исправить – мы видим отличительную черту интеллигента...» [Померанц].

«Мир в кризисе» и у польского героя. Этот мир Юдым пытается исправить, старается быть полезным людям. Тургенев в своей работе «Гамлет и Дон Кихот» пишет: «Одна из важнейших заслуг Гамлетов состоит в том, что они образуют и развивают людей, подобных Горацию, людей, которые, приняв от них семена мысли, оплодотворяют их в своем сердце и разносят их потом по всему миру» [Тургенев, с. 190]. Томаш Юдым пытается, как Гамлет, посвятить свою собственную жизнь высшей цели, он пытается помочь угнетенным.

Важным мотивом, объединяющим роман Жеромского и трагедию Шекспира, является категория бездомности, понятая в прямом и переносном смысле. О. А. Ружа говорит о том, что «бездомным считается тот человек, у которого нет жилья, и человек, имеющий дом, но испытывающий дискомфорт в той среде, в которой он находится, человек, не нашедший своего места в жизни или одинокий» [Ружа, с. 76]. «Бездомность» присутствует у Гамлета. Он весь в поиске истины и смысла жизни, в одной лишь фразе «быть или не быть». Гамлет полон грусти и раздумий в несовершенстве мира: «каким докучным, тусклым и ненужным мне кажется все, что ни есть на свете! О мерзость!» [Шекспир, с. 145]. («Now

weary, stale, flat and unprofitable, seem to me all the uses of this world! Fie on't! ah fie!») [Shakespeare, акт 1, сцена 2]. Семьи у него нет: король убит, королева замужем за его дядей, поэтому он разочарован и находится в колебаниях. Поэтому Гамлет и бездомный: «бездомный – значит, одинокий и без семьи» [Ружа, с. 76].

С. Щепотьев пишет: «бездомные – это обитатели лачуг, рабочие завода и одной из шахт Домбровского бассейна, крестьяне, обитающие в окрестностях санатория» [Щепотьев, с. 46]. По мнению критика, «бездомными являются и главные герои романа – Томаш Юдым и Йоанна Подборская. Героине ведь так и не удалось создать свое семейное гнездо: «ах, я уже так давно лишилась родного гнезда! Собственно, у меня его почти никогда не было» [Жеромский, с. 574]. С. Щепотьев указывает нам на то, что «дом, семейный очаг, символ той атмосферы спокойствия, которая защищает человека от неприкаянности, для героев романа – непостижимое счастье» [Щепотьев, с. 47].

Наряду с мотивом «бездомности», важным фактором, определяющим гамлетовское начало романа Жеромского, является мотив социального неравенства любящих друг друга мужчины и женщины. Из-за различия в классовой принадлежности Томаша Юдыма и Йоанны Подборской (об этом нам говорит он сам: «я происхожу из черни, из самой последней гольтыбы... “ты из другой касты”» [Жеромский, с. 576]), главный герой отказывается от своей возлюбленной. Здесь проявляется интеллигентский и гамлетовский мотив самоотречения главного героя: «я не могу иметь ни отца, ни матери, ни жены, никого, кого я мог бы с любовью прижать к сердцу, пока не исчезнут с лица земли эти подлые кошмары» [Жеромский, с. 576]. Х. Маркевич полагал, что у Томаша Юдыма выражена «аскетическая концепция жизни» [Markiewicz, с. 45]. Юдым совершает «гамлетовский поступок» – расстаётся с любимой, считая, что долг превыше счастья. Как пишет В.А. Хорев: «в современном обществе обречен на трудности и лишения каждый, кто борется за справедливость, за новую мораль» [Хорев, с. 5]. Юдым, как Гамлет, через свое страдание избавляется от чувства вины.

Еще одним героем гамлетовского типа, противопоставленным Томашу Юдыму, является инженер Кожецкий – «высокий, худощавый брюнет, лет тридцати с лишним» [Жеромский, с. 508]. Он тоже представляет собой интеллигента-одиночку: «воспитанный... он выглядел как некое порождение западноевропейской цивилизации на фоне серых польских провинциалов» [Жеромский, с. 509]. Кожецкий, как и Гамлет, обладает ярко выраженным критическим складом ума, пытаясь разоблачить лживость всего: «взгляд Кожецкого высматривал в собеседнике всякую, пусть тщательным образом скрытую неправду, позу, малейшую фальшь» [Жеромский, с. 510]. Его «болезнью» было «чересчур развитое сознание. Это настоящее проклятие! Обладание истиной обретает человека на несчастье, пытку» [Жеромский, с. 525]. С гамлетовским началом этого героя романа Жеромского связан мотив памяти смертной, который проявляется в первой сцене пятого акта трагедии «Гамлет», в риторическом обращении

нии к «бедному Йорику»: «Где теперь твои шутки? Твои дурачества? Твои песни? Твои вспышки веселья, от которых хохотал весь стол? Ничего не осталось, чтобы подтрунить над собственной ужимкой? Совсем отвисла челюсть?» [Шекспир, с. 252]. (Where be your gibes now? Your gambols? Your songs? Your flashes of merriment, that were wont to set the table on a roar? Not one now, to mock your own grinning? Quite chap-fallen?) [Shakespeare, акт 5, сцена 1]. В предсмертной записке раскрыт смысл его кончины: «то, что со мной сейчас произошло, не было делом случая; напротив, для меня совершенно ясно, что умереть и освободиться от тягот жизни для меня благо. Именно поэтому Даймонион, этот вещий голос, ничему во мне не сопротивлялся» [Жеромский, с. 565]. В словах Кожецкого Томашу Юдыму: «как несчастлив тот, кто теперь должен идти неведомой страшной дорогой. Кто торопится к неизвестной цели, кто идет, идет без конца... Тот "паломник, что несет тяготы пути при сверканьях грома"» [Жеромский, с. 549] («Żem był jak pielgrzym, co się w drodze trudzi. Przy blaskach gromu» [Słowacki]), обнаруживается цитата из стихотворения Ю. Словацкого «Гимн», в них замечен тот же мотив «бездомности» героя, который усиливает гамлетовский «резонанс» романа Жеромского.

Если *следовать* тургеневским принципам разграничения типов характера Гамлета и Дон Кихота, то обнаруживается, что Томаш Юдым воплощает в себе синтез обоих начал, в то время как Кожецкий является ярко выраженным эгоцентриком гамлетовского типа: он всегда и везде видит мир «отраженным в себе, в моей злополучной душе» [Жеромский, с. 524]. Он думает о смерти, борется с ней («я касался смерти пальцем, я вызывал ее на единоборство, смотрел на нее с иронией, как на человека, которого ненавижу» [Жеромский, с. 522]), когда доктор Юдым с ней сталкивается. Кожецкий представляет собой больного, которого может вылечить лишь Томаш. Но свой выбор он делает сам, выбирает смерть, он хотел «познать жизнь и смерть, чтобы равнодушно смотреть на то и другое» [Жеромский, с. 521].

Таким образом, «вечный образ» Гамлета проявился в творчестве С. Жеромского в романе «Бездомные люди». Образ Гамлета теряет свою историческую конкретику и воспринимается как общечеловеческий тип и образ сквозь призму Тургенева – его статьи «Гамлет и Дон Кихот». Он представляет собой вечное выражение изначально присущей человеку способности сомневаться и искать. С. Жеромский создал в своем романе персонажи-вариации Гамлета, автор придал национальные черты. Их связь с Гамлетом проявилась в мотивах одиночества, бездомности и странничества. В свою очередь, мотив странничества (паломничества) в творчестве Жеромского имеет романтический генезис (творчество Словацкого).

Литература и источники

Гайдин Б. Н. Образ Гамлета как константа русской культуры: концепция исследования [Электронный ресурс] / Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6. (ноябрь – декабрь). URL: <http://>

www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Gaydin_Image-of-Hamlet/ (дата обращения 12.05.2016).

Гайдин Б. Н. Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса») // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2.

Гусейнов А. Слово об интеллигенции // На рубеже веков. 1997. № 1.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И-О. М.: Терра, 1995.

Жеромский С. Избранные сочинения: в 4 т. // *Жеромский С.* Бездомные люди. Т. 2. М.: Худ. литература, 1958.

Жеромский С. Избранные сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Худ. литература, 1958.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. Вечные образы // Мир Шекспира. Электронная энциклопедия. URL: <http://world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3679.html> (дата обращения 12.05.2016).

Минералов Ю.И. Сравнительное литературоведение: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2010.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. www.ozhegov.org

Померанц Г. Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность. URL: http://www.pomeranz.ru/p/lect_intell.htm (дата обращения 12.05.2016).

Ружа О. А. Есть ли дом у бездомного? Вестн. Новосибирского гос. пед. ун-та. 2014. № 3 (19).

Тургенев И.С. Пол. собр. соч.: в 28 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1964.

Хорев В. А. Польская литература XX века. 1890–1990. М.: «Индрик», 2009.

Шекспир В. Комедии, хроники, трагедии, сонеты. Т. 2. М.: «Рипол Классик», 1998.

Щепотьев С. Маленькие рыцари большой литературы. СПб.: «Реноме», 2010.

Czuchnowa E. Żeromski w szkole Turgeniewa // Zeszyty naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Katowicach. 1967. № 34.

Janaszek-Ivaničková H. Żeromski w świetle idei Sorela. Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 1965. № 56/1.

Markiewicz H. «Ludzie bezdomni» Stefana Żeromskiego. 1963.

Słowacki J. Hymn. URL: <http://www.literat.ug.edu.pl/literat/jswiersz/003.htm> (дата обращения 12.05.2016).

Shakespeare W. Hamlet. <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/shakespeare/hamlet.htm> (дата обращения 12.05.2016).

Trznadel J. Polski Hamlet. Kłopoty z działaniem. URL: <http://www.jacektrznadel.pl/> (дата обращения 12.05.2016).

Żeromski S. Dzienniki. T.1, Warszawa, 1953.

Żeromski S. Dzienniki. (Wybór). Opracował J. Kądziała. Wrocław, 1980.

References

Czuchnowa E. Żeromski w szkole Turgeniewa // Zeszyty naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Katowicach. 1967. № 34.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 T. T.2: I–O. – М.: Terra, 1995. – 784 с.

Gaidin B. N. Obraz Gamleta kak konstanta russkoi kul'tury: kontseptsiya issledovaniya [Elektronnyi resurs] / Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2011. № 6. (noyabr' – dekabr'). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Gaydin_Image-of-Hamlet/ (data obrashcheniya 12.05.2016).

- Gaidin B.N. Vechnye obrazy kak konstanty kul'tury (interpretatsiya «gamletovskogo voprosa»). M.: Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. № 2. S. 241–245.
- Guseinov A. Slovo ob intelligentsii // Na rubezhe vekov. 1997. № 1. S. 64–71.
- Janaszek-Ivaničková H. Żeromski w świetle idei Sorela. Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej 56/1, 1965. S. 123–162.
- Khorev V. A., Pol'skaya literatura KhKh veka. 1890–1990. M.: «Indrik», 2009.
- Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Vechnye obrazy // Mir Shekspira. Elektronnaya entsiplopediya. URL: <http://world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3679.html> (data obrashcheniya 12.05.2016).
- Markiewicz H. «Ludzie bezdomni» Stefana Żeromskiego. 1963.
- Mineralov Yu. I. Sravnitel'noe literaturovedenie: Ucheb. posobie. M.: «Vysshaya shkola», 2010. S. 3–4.
- Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. www.ozhegov.org
- Pomerants G. Intelligentsiya, intelligenty i intelligentnost'. URL: http://www.pomeranz.ru/p/lect_intell.htm (data obrashcheniya 12.05.2016).
- Ruzha O. A. Est' li dom u bezdomnogo? Novosibirsk: Vestn. Novosibirskogo gos. Ped. Un-ta, 2014. № 3 (19). S. 75–83.
- Shchepot'ev S. Malen'kie rytsari bol'shoi literatury. SPB.: «Renome», 2010.
- Shekspir V. Komedii, khroniki, tragedii, sonety. T. 2. M.: «Ripol Klassik», 1998.
- Shakespeare W. Hamlet. <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/shakespeare/hamlet.htm> (data obrashcheniya 12.05.2016).
- Słowacki J. Hymn. URL: literat.ug.edu.pl/literat/jswiersz/003.htm
- Turgenev I. S. Poln. sobr. soch.: v 28 t. T. 8. M.: Izd-vo AN SSSR, 1964.
- Trznadel J. Polski Hamlet. Kłopoty z działaniem. URL: <http://www.jacektrznadel.pl/> (data obrashcheniya 12.05.2016).
- Żeromski S. Dzienniki. T. 1. Warszawa, 1953.
- Żeromski S. Dzienniki. (Wybór). Opracował J. Kądziała. Wrocław, 1980. S. 216–217.
- Zheromskii S. Izbrannye sochineniya: v 4 t. T. 2: Bezdomnye lyudi. M.: Khud. literatura, 1958.
- Zheromskii C. Izbrannye sochineniya: v 4 T. T. 4. M.: Khud. literatura, 1958.

Darya B. Smirnova (Kaliningrad, Russian Federation)

«Eternal Image» of Hamlet as Prototype of Intelligent Consciousness in Novel by S. Zheromsky «Homeless»

It is analyzed the «eternal image» of Hamlet as a prototype of the intelligentsia layer of society in the novel by S. Zheromsky «Homeless people». It is concluded that S. Zheromsky created in his novel-variation characters of Hamlet, to which the author gave national character. This relation with Hamlet manifests the motives of loneliness, homelessness and wandering.

Key words: «eternal image», «Polish Hamlet», the intelligentsia, intellectual, «homeless», W. Shakespeare, S. Zheromsky.

Darya B. Smirnova – 2-year post-graduate student. Historical linguistics, foreign philology and documentation dpt. Baltic Federal University of I. Kant. Phone: 8-921-617-28-07; e-mil: tbd89@mail.ru